

В. А. Зверев

СЕМЕЙНО-ДВОРОВЫЙ СТРОЙ В СЕЛЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX ВЕКА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Семейно-дворовой строй в селениях Западной Сибири конца XIX в.: демографический аспект / В. А. Зверев // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск : Параллель, 2010. Вып. 1. С. 76–94.

Культура демографического поведения, брачной и семейной жизни, существующая в современной России, формировалась в течение трех столетий в процессе модернизации традиционного общества. Но основная масса населения страны – крестьянство и городские низы – втягивалась в демографическую и социокультурную модернизацию, по мнению авторитетных исследователей, со второй половины или с конца XIX в. [см.: 2, с. 112–157; 4, с. 9–17, 62–64; 13, с. 209–211; и др.] Настоящая публикация имеет целью дать конкретно-историческую характеристику семейно-дворового строя в деревне Западной Сибири того времени, когда в нашем регионе, как и в целом по России, наметился демографический переход – наряду с другими модернизационными процессами.

Постановка проблемы и анализ исторических источников

Демографический переход (или демографическая революция) понимается нами, вслед за А. Ландри, Ф. Ноутстейном, А.Г. Вишневым, как важная часть модернизации традиционного общества – «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» [4, с. 9]. Этот переход знаменуют коренные изменения в демографических представлениях и демографическом поведении людей, в том числе связанных с созданием и регулированием семейно-брачных отношений. Используемое здесь понятие

«семейно-дворовый строй», в соответствии с определением М.В. Борисенко, «отражает сводные показатели структурно-функциональной организации института семьи» на определенной территории. «Это общие количественные данные о численности семей и хозяйств, о составе и размерах семей, вербальное описание общих институциональных характеристик семьи, принципов ее организации и видов отношений между членами семьи, юридические нормы и религиозные предписания относительно нормативного вида семьи и т. д.» [1, с. 308]. Не претендуя на полную характеристику изучаемого объекта, мы в данном случае сосредоточимся на его демографических характеристиках, преимущественно в той их части, которая может быть выражена в количественной форме.

Наше исследование опирается на материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 28 января 1897 г., – единственной всеобщей переписи, осуществленной в нашей стране в досоветский период. Этот источник в определенной его части уже использовался нами и рядом других специалистов для изучения семейно-брачных и семейно-дворовых структур и их динамики в селениях Западной Сибири [см.: 6; 8; 15; 17; и др.]. В данном случае мы возвращаемся к его анализу, чтобы, во-первых, уточнить и обобщить уже сделанные на его основе выводы, во-вторых, – поставить некоторые новые вопросы и произвести новые подсчеты, необходимые для их решения.

Одним из поводов для нашего возвращения к рассмотрению материалов 1897 г. в контексте изучения семейно-дворового строя послужило появление в конце 1990-х гг. серии статей, а затем монографии и докторской диссертации А.Н. Сагайдачного. Маститый историк исходил в своих работах из принципиального убеждения, что уже «исчерпаны все возможности» использовавшихся ранее источников для изучения деревенской семьи в Западной Сибири досоветского периода (среди них важнейшую роль играли опубликованные вторичные источники, содержащие обобщенную информацию по Сибири и входящим в нее субрегионам – губерниям,

областям, природно-экономическим зонам и др.). Он утверждал, что «многоплановый демографический анализ западносибирского общества (городского и сельского) второй половины XIX – начала XX в.» возможен исключительно на базе информации, содержащейся в первичных источниках – метрических книгах и переписных листах [15, с. 11, 17–18; 16, с. 11, 21; и др.]. Наша позиция по этому вопросу иная. Она заключается в том, что в историко-демографическом исследовании, как и прочих исторических трудах, более продуктивным является подход, предусматривающий комплексное использование всех доступных источников или репрезентативных выборок из разных групп источников, в том числе первичных и вторичных. И чем они разнообразнее по происхождению, форме кодирования и содержанию информации, тем лучше. Реализуя такой подход, мы в данном случае комбинируем в источниковедческой базе и первичную информацию с переписных листов обследования 1897 г. по Тобольской губернии, хранящихся в архиве, и аккумулярованные Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по губерниям и областям Западной Сибири, а затем опубликованные материалы этой переписи.

Всероссийская перепись 1897 г. дала первоклассные количественные данные для изучения людности и структуры семейного домохозяйства и семейно-брачных ячеек общества в любом регионе и во всех категориях населения России конца XIX в. Дело в том, что программа переписи предусматривала выделение среди всех частных хозяйств, население которых подлежало учету, во-первых, «хозяйств лиц одиноких», во-вторых, – семейных «хозяйств лиц, связанных родством». Среди последних определялись «лица, принадлежащие к семейству домохозяина». В Западной Сибири, которую мы рассматриваем в границах Томской и Тобольской губерний, а также Акмолинской области, перепись охватила всю территорию, кроме малозаселенных и труднодоступных Березовского и Сургутского округов Тобольской губернии.

Имеющиеся публикации материалов переписи (следует сказать, весьма богатые) все же не отражают всей информации о деревенских семьях, собранной переписчиками. Весьма продуктивным оказывается обращение к первичным материалам – переписным листам формы А и Б, содержащим данные о каждой сельской семье, как крестьянской, так и некрестьянской – принадлежащей лицу из духовного сословия, купеческой или мещанской, казачьей или «инородческой». Безусловно, доминировали по своему количеству именно крестьянские домохозяйства и семьи: по данным переписи 1897 г., в сельской местности Западной Сибири представители сословия крестьян составляли 78,7 % населения, аграрным производством было занято 79,6 % деревенских жителей [подсчитано по: 14, т. 78, с. 46–47, 150; т. 79, с. 40–41, 148; т. 81, с. 28–29, 84]. Мы обработали дубликаты подворных карточек переписи по Тобольской губернии, сохранившиеся в Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». В случайную выборку вошло 46 сельских обществ из тех восьми округов губернии, которые были охвачены в 1897 г. переписью. В отобранных обществах, включавших 95 селений, нами произведено изучение семейных структур во всех наличных 6377 дворах. «Хозяйств лиц одиноких» в указанном массиве оказалось 3,1 %, что близко к величине, средней для всех западносибирских деревень. Средняя людность домохозяйств и семей, их распределение по количеству членов, половой состав в нашей выборке тоже близки к параметрам, присущим всей сельской местности Западной Сибири, отраженным в обобщенных и опубликованных материалах переписи 1897 г., что позволяет считать нашу выборку первичных материалов вполне репрезентативной.

Семейно-дворовый строй по вторичным источникам

Судя по опубликованным данным переписи [подсчитано по: 14, т. 78, с. 6–7; т. 79, с. 6–7; т. 81, с. 4–5], в начале 1897 г. в сельской местности

Западной Сибири насчитывалось 672,8 тыс. частных хозяйств. Как и в целом по деревенской России, основную массу таких хозяйств (97,3 %) составляли семейные дворы, состоявшие главным образом из «лиц, связанных родством». Одиноким лицам являлись главами всего лишь 2,7 % частных хозяйств. Среди семейных домохозяйств 9,6 % состояло из двух человек, 12,9 – из трех, 15,8 – из четырех, 16,6 – из пяти, 41,5 – из 6–10, и только 3,6 % – более чем из 10 человек. В одном семейном дворе соединялось в среднем 5,66 человек, из них 5,39 являлись членами семьи домохозяина. Средняя величина собственно семьи домохозяина, без учета приселившихся к ней лиц, составляла в Тобольской губернии 5,15 человека, в Томской – 5,48, в Акмолинской области – 5,65 душ. По своей людности деревенский двор и сельская семья, в том числе в собственно крестьянской среде, в Западной Сибири мало отличались от таковых в Европейской России, взятой в целом. Средний крестьянский двор в Европейской России (включая и селения, и города), по данным переписи 1897 г., состоял из 5,8 человек, его людность колебалась по районам от 5,2 в Центральном Нечерноземье до 6,3 души в Черноземном Центре [13, с. 221 (табл. IV.1)]. Типичная семья сельских обывателей включала в Европейской России 5,8 человек, при этом семьи проживавших в деревнях представителей большинства сословий были меньшими, чем у крестьянства: у купечества и мещанства они включали в среднем 5,1; у дворянства – 5,4; но у духовенства – тоже 5,8 души [13, с. 225].

В населении Западной Сибири, взятым во всей его совокупности, в конце XIX в. количество мужчин в некоторой степени превышало число женщин, как обычно и бывает на колонизируемой – заселяемой и осваиваемой – территории. Однако в сельском населении наблюдалось количественное равновесие полов – на каждые 100 мужчин приходилось 100,3 женщин. В категории «семьянистых» деревенских жителей, т. е. входящих в состав семейных домохозяйств, доля «женского полку» была еще большей: соотношение в пропорции 2,75 к 2,64 сложилось в его пользу. Такую пропорцию следует считать нормальной, относительно благоприятной для

социально-экономического и социально-демографического развития западносибирской деревни.

Судя по опубликованным материалам, деревенские семейные домохозяйства в регионе были многолюднее городских всего на 7 %, но количество членов семьи домохозяина в сельском дворе было больше, чем в городском, на 24,5 %. Иначе говоря, в деревенских домохозяйствах гораздо большую долю их людности составляли домохозяин («большак», «большая голова») и его «домашние» – близкие родственники, а лиц приселенных – условно «посторонних» семейству домохозяина – было сравнительно немного.

Данные переписных карточек: портрет домохозяина

Обратимся теперь к данным, извлеченным нами из отобранных переписных карточек*. Их статистическая обработка позволила

* Работа с первичными карточками переписи 1897 г. и все статистические расчеты на их основе осуществлялись по: [3, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 109, 126, 150, 156, 223, 225, 236, 240, 241, 244, 253, 254, 270]. В подсчет введены данные о всех наличных домохозяйствах в следующих сельских обществах. В Ишимском округе – Сивковское и Сумское общества Красноярской волости, Подволошенское и Слободское общества Устьламенской волости, Новогорьевское и Сумское общества Утчанской волости. В Курганском округе – Островское общество Введенской волости, Камышенское и Раковское общества Утятской волости, Медвежевское общество Чинеевской волости, Петуховское общество Шмаковской волости. В Тарском округе – Ачимовское и Катачиговское общества Викуловской волости, Бартамское и Серебрянское общества Каргалинской волости, Мохово-Озерское общество Карташевской волости. В Тобольском округе – Аремзянское и Преображенское общества Абалакской волости, Ашлыкское общество Адбажской волости, Загваздинское общество Бегишевской волости, Винокуровское и Клепаловское общества Бронниковской волости. В Туринском округе – Дымковское и Луговское общества Дымковской волости, Красновское и Тазовское общества Коркинской волости, Барбашинское общество Пушкаревской волости. В Тюкалинском округе – Дурбетовское, Земляновское, Кабановское, Марковское, Осиновское и Рыбинское общества Большепесчанской волости, Карасукское общество Карасукской волости, Крупянское общество Крупянской волости, Серебрянское общество Серебрянской волости. В Тюменском округе – Ярковское общество Гилеволыповской волости, Бачалинское общество Караульноярской волости, Голышевское и Липчинское общества Липчинской волости, Луговское общество Троицкой волости. В Ялуторовском округе – Малокрутинское и Новодеревенское общества Омутинской волости, Пospelовское и Суерское общества Суерской волости, Терсюкское общество Терсюкской волости.

охарактеризовать фигуру главы деревенского домохозяйства – «хозяина», «большака», «большой головы», как его называли крестьяне. Выясняется, что мужчины составляли 94 % лиц, представлявших эту категорию сельчан. По своему возрасту мужчины-домохозяева распределялись следующим образом: до 20 лет – 0,6 %; 20–29 лет – 9,1; 30–39 лет – 22,7; 40–49 лет – 23,7; 50–59 лет – 18,9; 60 лет и старше – 19 %.

Нетрудно убедиться, что обычно домохозяева были людьми зрелыми и опытными: возраст старше 40 лет имело 61,6 % из них. В то же время предпочтение в деревне отдавалось лицам трудоспособного возраста: 74,4 % мужчин-домохозяев прожили на свете от 20 до 60 лет. Авторитет «большой головы» в семье и сельском обществе был основан, в том числе, и на том, что он выполнял самые трудные хозяйственные операции. Однако встречались и хозяева пожилые, даже старые. Рекордный для «большака» возраст – 102 года – в изученной нами совокупности домохозяйств имел один из крестьян д. Загваздиной Бегишевской волости Тобольского округа. В семейном дворе ему подчинялись 67-летняя жена и трое сыновей (36, 26 и 15 лет), а также сноха – жена старшего сына [3, д. 12, л. 47].

Среди немногих случаев «малолетства» домохозяев-мужчин выберем два, которые помогут прояснить причины этого явления. В д. Тазовой (Ключи тож) Коркинской волости Туринского округа главой одного хозяйства записан Чапышев Андрей Константинович, 6 лет от роду. Из кровных родственников у него имеются мать 39-и лет и три малолетние сестры. Есть еще родственник не кровный – 30-летний «вотчим» [3, д. 240, л. 408]. Разумеется, Андрей только числился домохозяином как единственный мужчина в той родственной ячейке, которая составляла ядро домохозяйства. Реально же руководили хозяйством либо отчим Андрея, либо его мать, поскольку отчим, по-видимому, только недавно вошел в состав этого двора. В д. Бардиной Абалакской волости Тобольского округа «земледельцем-хозяином» записан 12-летний Андрей Степанович Рябков. У него «в подчинении» находятся четыре его младших братишки и сестренки, а также

32-летняя тетя (сестра матери, по-видимому, покойной) с малолетним сыном. Есть еще 65-летний дедушка Андрея со своей 34-летней женой [3, д. 21, л. 75]. Можно предположить, что дед в его немалые годы был не в силах руководить домохозяйством по состоянию здоровья, а две взрослые женщины не получили на это права именно потому, что они женщины.

Как мы видим, женщины сравнительно редко – всего в 6 % случаев – являлись главами домохозяйств в западносибирской деревне. Если это случалось, то, как правило, в экстраординарных условиях – в результате смерти, тяжелой болезни или вынужденной длительной отлучки мужа (например, на дальних отхожих промыслах), в отсутствие других родственников-мужчин, пока не «возросли» и не «вошли в ум» дети мужского пола и т. д. [см.: 3, д. 90, л. 34, 52; д. 156, л. 1; д. 254, л. 9; и др.]. Самой пожилой из женщин-домохозяек в нашей выборке оказалась 100-летняя вдова Василиса Кондратьевна Батырева из волостного села Липчинского Тюменского округа. В ее семейную ячейку входили 70-летняя дочь (записанная в карточку «девицей», то есть не бывшая замужем) и 27-летняя внучка, тоже «девица» [3, д. 225, л. 56].

«Приселения» к семье: батраки, «сожители» и прочие

При изучении подворных карточек выяснилось, что в большинстве хозяйств одиночек, примерно в 20 % семейных дворов наряду с домохозяином и членами его семьи проживали «посторонние» лица (сельскохозяйственные наемные работники, няни и прислуга, квартиранты, призреваемые лица, воспитанники и пр.), которые в некоторых случаях соединялись в собственные семейные ячейки. Для сравнения: в своей выборке, включавшей первичные карточки переписи 1897 г. по пяти старожильческим селениям Тобольской губернии, историк А.Н. Сагайдачный обнаружил около 30 % домохозяйств с приселениями. Следует учитывать,

что он принимал в данном случае в расчет все частные домохозяйства – не только семейные дворы, но и «хозяйства лиц одиноких» [15, с. 48].

Наши материалы, как и выборка А. Н. Сагайдачного, показывают, что наибольшая доля в общем количестве тех дворов, где имелись приселения «посторонних» лиц к семейству домохозяина, принадлежала дворам, приютившим наемных работников, или батраков. Кроме того, последние составляли самую большую по численности категорию приселившихся. На этом основании А. Н. Сагайдачный делает чересчур размахистый вывод: «... до 30 % семей (т. е. все дворы с приселениями. – В. З.) в старожильческих селах использовали в своем хозяйстве труд наемных работников» [15, с. 49]. Однако это утверждение невозможно принять без критики. По нашим подсчетам, основанным на записях в переписных листах, в общем количестве лиц, приселившихся извне к семействам домохозяев, наемные работники составляли менее трети – 30,3 %. Остальные приселившиеся распределялись так: 28,6 % – гости, проезжающие, захожие; 25,2 % – квартиранты, постояльцы, жильцы; 10,6 % – призреваемые, воспитанники, нахлебники; 5,3 % – сожители домохозяев или их родителей. Из всех домохозяйств, имевших приселения, только 41,1 % составляли дворы, в которых вместе с членами хозяйских семей обитали наемные работники. Домохозяйства с иными видами приселений распределялись следующим образом: в 23,3 % из них в день переписи, 28 января 1897 г., размещались квартиранты, постояльцы или жильцы; в 22,4 % – гости, проезжающие и захожие; в 18 % – призреваемые, воспитанники и нахлебники; в 7,8 % – сожители домохозяев или их родителей. Во многих хозяйствах было зафиксировано две или более категории приселившихся, поэтому в данном случае при суммировании долей разных видов приселений мы получаем сумму, превышающую 100 %.

Конечно, можно признать, что переписчики не всегда правильно и не всегда однозначно фиксировали фактический статус того или иного приселенца в домохозяйстве. Некоторое количество призреваемых или воспитанников, постояльцев или жильцов могло эпизодически или на более

долговременной основе фактически выполнять те или иные хозяйственные обязанности за плату натурой или деньгами, то есть на условиях найма. Имеются даже случаи (впрочем, немногочисленные), когда не у приселенцев, а у членов семьи домохозяина в переписном листе в графе «Главное занятие» мы встречаем записи «работник» или «работница при хозяине». Так, в волостном селе Крупянское Тюкалинского округа в хозяйстве Ивана Ильича Борисова в качестве работника, а не члена семьи домохозяина зарегистрирован племянник хозяина Родион Иванович Меренов [3, д. 45, л. 86 об.]. В д. Рыжковой Большепесчанской волости Тюкалинского округа в хозяйстве Павла Ивановича Красовских один из двух наемных работников – Гавриил Григорьевич Пономарев – брат зятя домохозяина [3, д. 25, л. 90]. В д. Коклягиной Троицкой волости Тюменского округа в домохозяйстве Василия Алексеевича Чикишева имеется «зять-работник» Верхотурцев Федор Васильевич. Он отмечен как пребывающий в указанном месте временно – приписан в Шадринском уезде Пермской губернии [3, д. 223, л. 13].

В русских селениях Западной Сибири имела место и такая форма приселения «посторонних» лиц к семейству домохозяина, как консенсуальный (договорный) – фактически существующий, но официально не зарегистрированный брак «большака» или кого-нибудь из его «домашних». Иногда в переписном листе в графе «Как записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи» так и записано – «сожительница домохозяина», «сводным браком жена», «сожитель хозяйки» и т. п. Всего в нашей выборке выявлено 101 семейное домохозяйство с приселениями сожителей. В этих дворах зафиксировано 133 легальных, ни от кого не скрывааемых консенсуальных брака. В большинстве наших расчетов брачные пары – сожительства мы рассматривали как равноценные «законным» – венчанным брачным парам.

А.Н. Сагайдачный по первичным карточкам переписи 1897 г. только в одном населенном пункте – с. Викулово Тарского округа Тобольской

губернии – выявил 20 браков-сожителств, что составляло 8,8 % от общего количества всех брачных пар в указанном селе [15, с. 81]. Он склонен был считать, что наличие записей о сожительстве в первичных листах переписи обеспечивает возможность высчитать «точное количество невенчанных браков в сибирской деревне» [15, с. 20]. Однако внимательное знакомство с первичными материалами показывает, что фактическое количество консенсуальных браков в селениях Западной Сибири было гораздо большим, чем это фиксируется пометками о «сожительстве». Во многих случаях такие браки не афишировались, в материалах переписи они камуфлируются записями о наличии в составе домохозяйства, во главе которого стоит вдовый мужчина, «домоправительницы», «стряпки» или «квартировки» подходящих лет. «Сводная жена» могла иметь в составе домохозяйства своих детей или иных родственников.

Любопытную ситуацию пограничного характера представляют несколько раз упомянутые в переписных листах фактические супруги домохозяев, в одной графе записанные как их сожительницы или сожители, а в другой – как работники или работницы. Вот несколько примечательных случаев такого рода. В д. Катай Викуловской волости Тарского округа во дворе 50-летней Устиньи Петровны Кожемякиной, законный муж которой находится длительное время «на отхожих промыслах», в качестве работника и вместе с тем сожителя «земледелницы-хозяйки» записан Иван Фомич Плавчук [3, д. 90, л. 34]. В д. Долгушиной Каргалинской волости Тарского округа Афанасий Егорович Федосеев, сожитель 52-летней Пелагеи Ларионовны Снегиревой, тоже «земледелницы-хозяйки», вместе с его 17-летней дочерью Клавдией именуется, соответственно, «работником при сожительнице» и «работницей при хозяйке» [3, д. 92, л. 27]. В волостном селе Терсюкском Ялуторовского округа в хозяйстве 59-летнего вдовца Ефима Михайловича Дюрягина, имеющего 30-летнего сына, сноху и маленького внука, переписчики обнаружили также 54-летнюю «работницу», а при ней – трех ее детей

(сыновей 18 и 15 лет, дочь 13 лет), которые записаны как дети работницы, но также – как «побочные» дети хозяина [3, д. 253, л. 63].

Обобщая все случаи такого рода, когда в разных категориях членов деревенского домохозяйства ясно обнаруживаются или могут предполагаться наемные работники, можно сказать, что доля домохозяйств, использовавших наемный труд людей, проживавших в одном дворе с нанимателем и членами его семьи, была весомой. Однако это не дает права считать, что все хозяйства с приселениями использовали труд наемных работников. Статус «семейного домохозяйства», которым мы уверенно наделяем более 97 % деревенских дворов Западной Сибири конца XIX в., дополнительно подкрепляется тем, что во всех категориях лиц, приселившихся к семейству домохозяина, обнаруживается много его родственников и свойственников.

Внимательный анализ первичных карточек переписи 1897 г. показывает, что немало «воспитанников» – это взятые домохозяевами под опеку дети умерших или разорившихся родственников, некоторые из этих воспитанников стали уже фактически приемными детьми домохозяина. Зачастую призреваемые и нахлебники – тоже родня, из числа несовершеннолетних детей, потерявших родителей, или оставшихся одинокими бедных стариков. Гости, проезжающие, захожие – это чаще всего родственники, решившие навестить «своих». Например, в деревнях Кулемесовой и Аксариной Караульнопоярской волости Тюменского округа несколько раз отмечены в качестве гостей тещи домохозяина, фигурируют также «гости – зять с женой», брат жены, племянница, сестра снохи и пр. [3, д. 236, л. 5, 10, 15, 17, 19, 35, 67 и др.].

Во многих семьях, особенно часто в переселенческих поселках, перепись фиксирует в роли квартирантов, живущих «на постое», довольно близких родственников домохозяина – братьев, сестер, зятьев, племянников, даже сыновей с их нуклеарными семьями. По-видимому, они сравнительно недавно выделились из родительской или братской семьи и не успели или не смогли еще обзавестись своим хозяйством. Вот два примера такого рода из

пос. Кабановского Большепесчанской волости Тюкалинского округа. Во дворе Давыда Федоровича Виктоля, выходца из Лифляндской губернии, семья которого включает жену, трех сыновей и четырех дочерей, живет семья его зятя Василия Дмитриевича (в переписном бланке сообщается, что у него «фамилии нет», что он русский и переселился из Псковской губернии), состоящая еще из жены (пятой, старшей по возрасту, дочери домохозяина), сына и дочери. «На постое» у Степаниды Ахрименок (она вдова, прибыла в Сибирь из Черниговской губернии, имеет трех сыновей и четырех дочерей) обретаются ее сестра Мелания с сыном [3, д. 92, л. 126–126а, 140].

Сравнительный возраст супругов

Применяя метод типологической группировки, далее мы проведем структурный количественный анализ комплекса сведений о деревенских семьях и браках. Выявленные в семействах домохозяев и приселениях к ним брачные пары (и венчанные, и консенсуальные) нами объединены по возрасту мужа и соотношению возраста супругов. Пригодные для этого семейные ячейки, составлявшие ядро семейных домохозяйств, группировались также по количеству детей, по числу поколений, по типу внутренней структуры.

Сравнительный возраст супругов в деревенской среде – немаловажная характеристика и демографического, и экономического потенциала домохозяйства и семьи. Анализ возраста мужей и жен, предпринятый нами по материалам выборки (табл. 1), показал, что 72,3 %, т. е. подавляющее большинство деревенских браков в Тобольской губернии второй половины XIX в. заключались либо ровесниками, либо людьми с разницей в возрасте, не превышавшей пяти лет, по большей части в пользу мужчин.

Таблица 1

**Количество брачных пар с различным соотношением возраста
супругов в селениях Тобольской губернии (1897 г.)**

Соотношение возраста, лет	При возрасте мужа, лет						Всего	
	Менее 31		31–50		Более 50			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Ровесники	393	20,7	658	18,5	324	16,8	1375	18,6
Муж старше жены на								
1	306	16,1	345	9,7	143	7,4	794	10,8
2	234	12,3	307	8,7	146	7,6	687	9,3
3	170	8,9	253	7,1	100	5,2	523	7,1
4	115	6,1	218	6,2	78	4,1	411	5,6
5	110	5,9	209	5,9	104	5,4	423	5,7
6	59	3,1	152	4,3	63	3,3	274	3,7
7	37	1,9	140	3,9	52	2,7	229	3,1
8	31	1,6	115	3,2	43	2,2	189	2,6
9	17	0,9	66	1,9	38	2,0	121	1,6
10	11	0,6	161	4,5	99	5,1	271	3,7
1–5	935	49,3	1332	37,6	571	29,7	2838	38,5
6–10	155	8,1	634	17,8	295	15,3	1084	14,7
11–15	8	0,4	258	7,3	182	9,5	448	6,1
16–20	–	–	86	2,4	129	6,7	215	3,0
Более 20	–	–	24	0,7	141	7,3	165	2,2
Жена старше мужа на								
1	166	8,7	212	6,0	103	5,4	481	6,5
2	92	4,8	114	3,2	70	3,6	276	3,7
3	62	3,3	67	1,9	37	1,9	166	2,3
4	34	1,8	56	1,6	20	1,0	110	1,5
5	16	0,8	50	1,4	26	1,4	92	1,2
1–5	370	19,4	499	14,1	256	13,3	1125	15,2
6–10	35	1,8	46	1,3	20	1,0	101	1,4
Более 10	5	0,3	12	0,3	7	0,4	24	0,3
Итого:	1901	100	3549	100	1925	100	7375	100

Такой вывод в первом приближении был сформулирован уже в одной из давних работ, на начальной стадии обработки нами первичных материалов переписи 1897 г. [5, с. 74, 80]. Однако в учебном пособии О.Н. Шелегиной наши взгляды на сей счет представлены неверно [см.: 18, с. 39], что заставляет еще раз вернуться здесь к рассмотрению данного вопроса. (Кстати, указанная исследовательница исказила и наши выводы

относительно абсолютных параметров брачного возраста сибирских крестьян, сделанные при опоре на другие источники)*.

Данные таблицы 1 показывают: чем моложе были мужья (а их возраст тесно коррелирует с продолжительностью пребывания в браке), тем доля брачных союзов, заключенных ровесниками или близкими по возрасту (с разницей до пяти лет) партнерами, была выше. При возрасте мужей старше 50 лет она составляла только 59,8 %, в группе с мужьями 31–50-летнего возраста подымалась до 70,2, а в ситуации с мужьями младше 31 года достигала 89,4 %. Если суммировать только браки ровесников и лиц с разницей в возрасте, не превышающей три года, все равно они составляют большинство – 58,3 %. При этом их доля в указанных выше группах брачных пар, образовавшихся в основном в диапазоне от 1850-х до середины 1890-х гг., повышается в такой последовательности: 47,9; 55,1; 74,8 %. Наши наблюдения хорошо согласуются с положением историка Н.А. Миненко о том, что уже в первой половине XIX в. «безусловное преобладание в западносибирской деревне получили браки с разницей в возрасте супругов не более 4 лет» [11, с. 187]. Во второй половине XIX в. с течением времени близость возраста женихов и невест сохранялась и, по-видимому, усиливалась. Эта тенденция рельефно проявлялась в первом браке, но в некоторой степени она сдерживалась сохранением несоответствия возраста партнеров, вступающих во второй или третий брак.

Точное количество повторных альянсов наш источник не позволяет установить, но анализ первичных карточек переписи 1897 г. приводит к предположению: доля таковых в общем количестве деревенских браков не превышала 15–20 %. По данным А.Н. Сагайдачного, аккумулированным из метрических книг, за период с 1863 по 1914 г. в с. Викулово Тарского округа (уезда) вторые браки у мужчин составляли 13,5, а третьи браки – 3,6 %

* У О.Н. Шелегиной читаем: «В.А. Зверев считает, что в начале XIX в. основная масса сибирских крестьян вступала в брак в возрасте 25 лет» [18, с. 39]. На самом деле в наших трудах применительно к периоду *второй половины XIX – начала XX в.* показано, что подавляющее большинство сельских жителей Сибири (свыше 70 % мужчин, до 90 % женщин) вступало в брак, *не достигнув 25-летнего возраста* [7, с. 13–15; и др.].

[подсчитано по: 15, с. 77–78]. Типичный повторный брак выглядел так: вдовец «в годах» женился на сравнительно молодой девушке или (реже) вдове. По данным переписи населения 1897 г., в Западной Сибири среди женщин 17–19-летнего возраста, самого востребованного на «брачном рынке», 72,4 % составляли девицы, а вдовы – только 0,2 % [подсчитано по: 14, т. 78, с. 26; т. 79, с. 24; т. 81, с. 17–18].

В таблице 1 группы браков с возрастом мужей от 31 до 50 лет, и, тем более, – свыше 50 лет включают повышенное количество пар, находящихся во втором или третьем браке. В этом факте мы усматриваем одну из причин сравнительно меньшего соответствия возраста супругов в этих группах, по сравнению с той группой браков, в которой состояли мужчины моложе 31 года. Другая причина, как показано выше, не структурная, а историческая: представители старших групп заключили свои браки, как правило, раньше – в тот хронологический период, когда разница в возрасте женихов и невест была более заметной.

Количество детей, поколенный состав семей

Количество детей учитывалось нами для каждой брачной пары, основной для конкретного семейного двора. Чаще всего это были дети домохозяина. Распределились 6267 брачных пар по количеству у них наличных в момент переписи живых детей следующим образом: бездетными оказалось 16,7 %, одного ребенка имели 24,0; двух – 19,1; трех – 16,6; четырех – 11,1; пятерых – 7,1; вскармливали шестерых и более «челяденков» 5,4 % супружеских пар. В среднем на одну брачную пару (включая и бездетных) приходилось 2,27 наличных ребенка, на ячейку с детьми – 2,73.

Для сравнения с этой среднестатистической для деревни ситуацией, которая формировалась главным образом в крестьянской среде, мы определили детность 328 попавших в нашу выборку брачных пар сельских пролетариев. Выяснилось, что у 33,5 % супругов-батраков не было детей, от

одного до трех ребят имело 58,3, четырех и более – 8,2 %. На одну пролетарскую супружескую пару приходился в среднем всего 1,29 наличный ребенок, на батрацкую пару с детьми – 1,94. Подчеркнем, что приведенные здесь показатели отражают не общее количество детей, рожденных супругами в течение всего детородного периода, а число «челяденков», которые к началу 1897 г. родились, выжили и еще не успели отделиться от родителей, заведя самостоятельное хозяйство.

Сгруппировав те семьи, которые составляли основу частных семейных домохозяйств, в зависимости от числа поколений родственников, объединенных в них, мы получили следующую картину. Однопоколенными были 12,1 %, два поколения фигурировали в 58,5, три – в 28,2, четыре – в 1,1 % семейных ячеек.

Дифференциация семей по структуре родства

Семьи группировались нами также по типам внутренней структуры родственных связей. Применялось два варианта такой группировки. Наш авторский вариант [см.: 8, с. 39–40] позволил установить, что даже без учета домохозяев-одиночек более половины наличных семей (53,2 % из вовлеченных в подсчет 6255) в тобольских селениях выглядели как простые ячейки. Это были супружеские пары с незамужними/неженатыми детьми или без таковых. Семей, действительно сложных по структуре – содержащих несколько нуклеарных ячеек, родственников по боковой линии – оказалось не так много, как можно было ожидать.

Приведем все же несколько примеров семей, наиболее сложных по составу. В нашей выборке больше всего таковых оказалось в селениях Абалакской волости Тобольского округа. Например, в д. Белой проживал 69-летний крестьянин Михаил Васильевич Зиновьев со своей 62-летней женой. В его хозяйство входили пять взрослых сыновей в возрасте от 19 до 37 лет и 16-летняя дочь. У старших четырех сыновей имелись свои нуклеарные семьи,

состоящие из жен и детей, в количестве от двух до четырех. В итоге семья домохозяина состояла из 23 человек [3, д. 21, л. 59а–59в]. В с. Преображенском в хозяйстве 37-летнего Петра Николаевича Рябкова и его 38-летней жены, кроме их малолетнего сына и двух дочерей, обретались два старших брата домохозяина, 42 и 52 лет, со своими семьями. У одного из братьев имелся женатый сын и двое внуков. Всего домохозяйство состояло, таким образом, из 15 человек [3, д. 21, л. 18а–18б]. В Тарском округе, в д. Ик Каргалинской волости, мы находим пример формально сложного по составу домохозяйства из 18 человек, которое, однако, находится в состоянии распада. У 66-летнего Петра Прокопьевича Пономарева и его 67-летней жены в хозяйстве и семье числятся пять сыновей в возрасте от 26 до 54 лет с их женами и детьми. Однако фактически взрослые сыновья и внуки живут уже от «большака» отдельно, и некоторые из них находятся в дальнем отъезде. Один внук – Григорий – кочегар на железной дороге в Ачинске, другой – Семен – работник на рыбных промыслах в Обдорске, третий (Алексей), а также его сестра Акулина – «портные-одиночки» в Таре и Каинске (Томская губерния), младший внук Николай призван в солдаты. При дедушке остались только малолетние внуки Мария и Надежда, что и вызвало необходимость «приселить» к домохозяйству еще 19-летнего наемного работника [3, д. 92, л. 1а–1б].

Для того, чтобы сравнить по структурному типу деревенские семьи Западной Сибири конца XIX в. с уже известными историкам «гнездами» семей и семейных домохозяйств, существовавшими в разное время в Европейской России и других странах мира, мы использовали еще одну группировку. Это широко применяющаяся в международной научной практике классификация английского ученого Питера Ласлетта [см.: 10]. В данной классификации все семьи по их структурному типу распределяются на следующие группы: 1) одиночные лица; 2) семьи из нескольких родственников, не образующих брачные пары; 3) нуклеарные, или простые семьи (брачные пары с неженатыми чадами, супруги, живущие отдельно от

своих взрослых детей, вдовцы/вдовы с детьми); 4) расширенные семьи, включающие других холостых или вдовых родственников; 5) составные семьи, объединяющие несколько брачных пар с их потомством. Составные семьи, по Ласлетту, подразделяются на три подтипа: корневые (родители и один женатый сын, иногда имеющий уже своих детей); братские (двое или более женатых братьев); большие патриархальные семьи (родители и несколько женатых сыновей с их потомством).

Согласно нашим подсчетам*, в 95 селениях Тобольской губернии конца XIX в. наличные семьи распределялись по их структуре следующим образом (табл. 2). Предельно простые и несложные по структуре ячейки 1–3 типа в сумме составляли более половины – 55,9 % всех семей. Относительно сложные по составу расширенные и составные семьи (4-й тип и 5-й со всеми подтипами) в совокупности имели 43,1 %. Категорию сложных можно увеличить на 1 % за счет «прочих» семей: к этой группе мы отнесли ячейки с очень сложной и нестандартной структурой.

Таблица 2

Количество сельских семей с различным типом структуры (по П. Ласлетту) в Тобольской губернии (1897 г.)

Тип семьи	Юго-западные округа		Северо-восточные округа		Вся губерния	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1. Одиночки	128	3,7	81	2,8	209	3,3
2. Родственники без брачных пар	56	1,6	32	1,1	88	1,4
3. Простая семья	1720	49,6	1547	53,2	3267	51,2
4. Расширенная семья	622	17,9	473	16,3	1095	17,2
5. Составная семья	915	26,4	736	25,3	1651	25,9
В том числе:						
5а – корневая	721	20,8	564	19,4	1285	20,2
5б – братская	86	2,5	73	2,5	159	2,5
5в – большая патриархальная	108	3,1	99	3,4	207	3,2
6. Прочие семьи	29	0,8	38	1,3	67	1,0
Итого:	3470	100	2907	100	6377	100

* Автор весьма признателен за участие в подсчетах аспирантке кафедры отечественной истории НГПУ Е.В. Коневой.

Таблица 2 позволяет сравнить состав семей в северо-восточных, менее развитых в социально-экономическом отношении, округах Тобольской губернии (Тарском, Тобольском, Туринском и Тюкалинском), и в юго-западных, более освоенных и развитых в капиталистическом отношении – Ишимском, Курганском, Тюменском и Ялуторовском. Ранее мы предполагали, что в двух этих группах округов могла иметь место существенная разница семейной структуры, в силу зависимости таковой от уровня социально-экономического развития субрегионов. В соответствии с этим предположением, в юго-западных округах должны были иметь большее распространение упрощенные семейные структуры, а на северо-востоке – структуры сложные. Эта гипотеза в некоторой степени подтверждалась, когда мы в работе «Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма» (1991 г.) оперировали авторским вариантом типологии внутренней структуры семей [см.: 8, с. 41]. В одной из работ последнего времени, «пересчитав» уже по методологии П. Ласлетта около половины (3128) выбранных первичных карточек переписи 1897 г., мы обнаружили, что не всё так просто и однозначно. Различия между двумя группами округов вроде бы опять обнаружились, но оказалось, что не «продвинутые» юго-западные, а, наоборот, «отсталые» северо-восточные округа имели большее распространение простых, нуклеарных и меньший удельный вес сложных – расширенных и составных – семейных структур [9, с. 89–90]. Ситуация запуталась, и оставалось уповать на то, что она прояснится после обработки «по Ласлетту» всех подворных карточек, имеющихся в нашем распоряжении.

Теперь мы располагаем сведениями обо всех домохозяйствах из выборки по восьми округам Тобольской губернии, охваченных переписью 1897 г. Как видно из данных таблицы 2, предположение о существенном влиянии социально-экономического статуса субрегиона на структуру деревенской семьи не оправдалось, по крайней мере, применительно к Западной Сибири конца XIX в. Распределение деревенских семей по типам структуры оказалось в двух группах округов (в более освоенных, развитых в социально-

экономическом отношении юго-западных и в менее втянутых в процесс капиталистического развития северо-восточных) почти идентичным. Так, доля несложных ячеек 1–3 типа на юго-западе составила 54,9, а на северо-востоке – 57,1 %. Разница в 2,2 % статистически несущественна. Значит ли это, что в эпоху наметившейся демографической модернизации уровень и характер социально-экономического развития той или иной местности в принципе не влияет на внутреннюю структуру деревенского домохозяйства? Думается, что такой вывод был бы поспешным и неоправданным. Скорее всего, дело в том, что в пределах Западной Сибири социально-экономические различия между округами и группами округов в конце XIX столетия не были столь уж глубокими и принципиальными, как нам казалось прежде.

Выявленная в Тобольской губернии картина оказалась очень похожей на семейную структуру сельского населения Европейской России, где в 1897 г. составная и расширенная семьи в сумме составляли 46,6 %, а несложные семьи первых трех типов – 53,4 % [13, с. 226]. По мнению известного историка Б.Н. Миронова, это сходство – важный аргумент в обосновании той точки зрения, что в изучаемую эпоху демографическое развитие нашего края происходило одновременно и согласованно с Европейской Россией. Сибирь не была регионом «третьего эшелона» в переходе от традиционного к современному типу воспроизводства населения [12, с. 9].

Однако, будучи частью Российской империи, Западная Сибирь обнаруживала признаки принадлежности ко «второму эшелону» демографической модернизации. Согласно данным П. Ласлетта о ситуации в восьми странах Европы и Северной Америки (Англия, Франция, Германия, Италия, Швейцария, Польша, Сербия, британские колонии в Америке), там уже в XVI–XVIII вв. простые ячейки 3-го типа составляли от 70 до 90 % всех семейных домохозяйств, а сложносоставные семьи 4-го и 5-го типов в сумме набирали не более 20–30 %. Только в одной из обследованных местностей Японии в 1713 г. отмечен сходный с Европейской Россией и Западной Сибирью конца XIX в. характер распределения типов семейной структуры:

почти поровну были представлены малые семьи первых трех типов (51 %) и большие семьи (49 %) [10, с. 150–157].

Заключение

Итак, материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. позволили определить множество важных параметров того семейно-брачного строя, который доминировал в селениях Западной Сибири конца XIX в. Традиционная сущность этого строя проявлялась, прежде всего, в теснейшей связи частного крестьянского хозяйства как социально-экономической ячейки и семьи – ячейки физического и социокультурного воспроизводства населения. Традиционные явления – небольшая доля домохозяев-одиночек в деревенских усадьбах; немалая средняя людность семьи; значительный удельный вес браков, заключенных «неравными» по возрасту партнерами; доминирование в роли «патриархов» (домохозяев и глав семейств) мужчин в возрасте старше 40 лет; широкая распространенность среднедетных и многодетных ячеек; сравнительно большая доля семей со сложной структурой родства. Такие явления показывают ошибочность выводов А.Н. Сагайдачного о том, что «эволюция крестьянской семьи Западной Сибири, которая происходила на протяжении XVIII и XIX вв., к началу XX в. была завершена», что демографические процессы здесь развивались «уже на завершающем этапе демографического перехода» [15, с. 97–98]. Замеченные нами инновации в семейно-брачных отношениях и структурах – оптимизация соотношения брачного возраста супругов, малодетность семей в формирующемся классе сельских пролетариев, численное преобладание несложных по структуре семейных ячеек и прочие – еще не определяли общую картину, но свидетельствовали о начале процесса демографической модернизации.

Литература и источники

1. *Борисенко М.В.* К вопросу о понятийном аппарате локально-исторических исследований фамилистики крестьян Сибири // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2006. Сер. 2: история. Вып. 4. С. 303–311.
2. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
3. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 417 (Тобольский губернский статистический комитет). Оп. 2. 1897 г.
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.
5. *Зверев В.А.* Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири, XVIII – начало XX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 73–88.
6. *Зверев В.А.* Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1993. 244 с.
7. *Зверев В.А.* «Любо – так к венцу»: брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 7–17.
8. *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1991. 148 с.
9. *Зверев В.А., Конева Е.В.* Структура деревенской семьи в Западной Сибири в свете классификации П. Ласлетта // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 2008. С. 85–91.

10. *Ласлетт П.* Семья и семейное домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. С. 132–157.
11. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – начала XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 352 с.
12. *Миронов Б.Н.* Сибиреведение сегодня // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 2009. С. 5–13.
13. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 549 с.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: МВД. Центр. стат. ком., 1905. Т. 78: Тобольская губ. 247 с.; 1904. Т. 79: Томская губ. 245 с.; 1904. Т. 81: Акмолинская обл. X, 135 с.
15. *Сагайдачный А.Н.* Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 144 с.
16. *Сагайдачный А.Н.* Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2000. 39 с.
17. *Сагайдачный А.Н.* Сибирское старожильческое село в конце XIX в. (опыт ретроспективного социологического и демографического анализа) // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Международ. симпозиума. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 2. С. 418–430.
18. *Шелегина О.Н.* Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: социокультурные аспекты, XVIII – начало XX в. М.: Логос, 2002. Вып. 2. 160 с.